

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 46-й

№ 9 (4503)
26 февраля 1975 г. СРЕДА

Почин москвичей: ленинский субботник — 19 апреля

ПИСАТЕЛЬ
О СВОЕМ ГЕРОЕ

ВАХТА МАСТЕРА КОМАРОВА

Фото В. КРОХИНА

Перед поездкой в Ярославль я знал, что производственное объединение «Автодизель» — крупное и уважаемое предприятие, на котором делаются моторы для большегрузных автомобилей, что в объединении вот уже добрых полдесяти лет ведется планомерная научная работа по освоению моторесурсов современных дизелей — так это звучит на сухом техническом языке.

Но больше всего в писательских командировках меня радует неожиданность встреч. Примечательным было и знакомство с мастером Вениамином Павловичем Комаровым.

Кузнечное дело требует не только опыта и умения, надо еще подходить по характеру к огненной работе, иметь тот надежный стержень, который определяет суть настоящего рабочего человека.

Более полутора десятилетия отстоял за молотом Вениамин Павлович. Вроде и нет ничего особенного в его рабочей биографии, но среди заводских кузнецов он один носит Золотую звезду.

В начале своей славной трудовой биографии Комаров, овладев кузнечным мастерством, пошел в отстающую бригаду, потерял в зарплате, прибавил себе хлопот, но наладил бригаде дело.

Мы шли с ним по пролету кузнечного цеха, где ползали желтые жуки манипуляторы, подавая заготовки к молотам, где из края к краю катился обильный пот.

— Видите, а нагревательная печь боковая горелка. Все печи у нас теперь такими горелками оборудованы. Это моя рационализация...

Опытные провентировщики сконструировали нагревательные печи. Но надо было простоять рядом с печью столько, сколько простоял Комаров, чтобы ощутить инженерные просчеты, сдерживающие трудовой ритм, и начать пытаться искать возможности усовершенствования. Дополнительный боковой нагрев увеличил пропускную мощность печи и позволил Комарову вместо 400 заготов для горячей прокатки ковать 700.

Потом были предложения по улучшению литейных и образных штампов, по экономии металла, упрощению технологии...

Малые достижения переросли в крупные: за создательный подвиг Вениамин Павлович был удостоен звания Героя Социалистического Труда. Слава, как он сам считает, не легкая перина. Еще больше выросла ответственность за дело, еще больше стало забот.

Социалистические обязательства 1974 года бригада мастера Комарова выполнила досрочно. В завершающем году девятой пятилетки она — в авангарде движения за повышение эффективности производства, улучшение качества продукции.

Сейчас мастер Комаров, пожалуй, гордится не столько своими успехами, сколько своими учениками. Это я почувствовал, когда мы, проходя по кузнечному цеху, остановились у молота, где работает бригада Кузнецова.

— Мой ученик, — сказал Вениамин Павлович, и в его голосе прозвучала гордость. — Уже сегодня весь коллектив «Автодизеля», и наша бригада тоже, конечно, думает о том, как мы будем работать 19 апреля — в день Всесоюзного коммунистического субботника. Вместе с миллионными советскими людьми мы выйдем на рабочие места, чтобы внести свой вклад в борьбу за успешное выполнение заданий завершающего года пятилетки, чтобы безвозмездно отдать труд любимой Родине.

О знакомом кузнице Ярославского моторного завода В. П. Комарова я уже написал в книге «Дизелисты» и думаю, что наше знакомство продолжится...

Михаил БАРАШЕВ

С 27 февраля по 3 марта в Минске состоится Всесоюзное творческое совещание писателей и критиков, посвященное теме «Бессмертный подвиг народа: в Великой Отечественной войне и советская литература». Собственный корреспондент «ЛГ» В. Ионовича попросил первого заместителя председателя правления Союза писателей ВССР Ивана Шамкина рассказать о том, как будет проходить совещание.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

— Прежде всего, Иван Петрович, не могли бы вы поздравить читателей нашей газеты с началом работы совещания?

— Для нас, принимающей стороны, эта работа начнется с утра 26 февраля, когда в Минскском вокзале подойдет экспресс с гостями. В первый же день участникам совещания будет предоставлена возможность познакомиться с белорусской столицей и ее достопримечательностями. Основная работа, доклады и выступления намечены на последующие два дня. Гости совершат поездку в Хатынь и на курган Славы. А 1—2 марта участники совещания, разделившись на группы, разъедутся по республике — в Брестскую, Витебскую, Могилевскую и Минскую области. Здесь они побывают на полях бывших сражений, осмотрят наши древние и молодые города, посетят крупнейшие предприятия и стройки, колхозы и совхозы. 3 марта все мы снова соберемся в Минске на заключительном заседании.

Самой собой разумеется, что, кроме запланированных литературных вечеров и бесед в рабочих, студенческих и колхозных коллективах, на территории будут и дружеские встречи с людьми, которые оставили свой след в памяти и душе наших гостей.

Ведь почти все участники совещания — в ратные годы побывавшие на белорусской земле, испытавшие и горе отступления и оккупации, и ярость борьбы против захватчиков, и счастье освобождения и победы. Не случайно, конечно, что некоторые бывшие солдаты, партизаны, политработники и военные корреспонденты стали теперь известными прозаиками и поэтами, драматургами и критиками. Кто был рядом со смертью, тот много пережил и передал. Опыт, мысль и чувство — основа таланта.

— Много ли гостей вы ждете?

— И много, и мало. Сто пятьдесят писателей — это лишь толпа тех литераторов,

для которых минувшая война — дело их творчества, дело жизни. В то же время, когда собираются вместе более ста пятидесяти авторов активно читаемых и любимых романов, повестей, пьес, стихотворений и литературных исследований, то согласиться, что это очень много.

А всех участников совещания и не перечислишь. Это Герои Социалистического Труда Н. Гривачев, Б. Поляков, К. Симонов, А. Сурков, А. Чековский, а также широко известные писатели Ч. Айтматов, М. Алексеев, А. Ахматов, Ю. Бондарев, О. Гончар, Е. Долматовский, М. Дудин, С. Наровчатов, В. Озеров, А. Первенцев, С. Смирнов, А. Софронов... Мы ждем в гости также прославленных полководцев и военачальников. В совещании будут участвовать многие ветераны военных лет, партизаны и советские руководители республик, мастера искусства, работники науки и культуры.

Все минчане, все читатели республики рады, что такое замечательное собрание решено провести в Белоруссии. Это делает честь народу Белоруссии и ее литературе, внесшей весомый вклад в создание художественной летописи героических лет.

Что вы, Иван Петрович, ждете от совещания лично для себя?

— Писателю, как и всякому художнику, время от времени необходим взаимобогащающий обмен мыслями и идеями, эмоциональный заряд, который появляется от общения с теми намерениями и планами, к которым вы идете, товарищи. Если хотите, то тоже один из стимулов творческого соревнования.

Вся минчане, все читатели республики рады, что такое замечательное собрание решено провести в Белоруссии. Это делает честь народу Белоруссии и ее литературе, внесшей весомый вклад в создание художественной летописи героических лет.

Пользуясь случаем, я сегодня говорю им: «Добро пожаловать — кал ласка, дорогие друзья! Минск ждет вас!»

стр. 2, 5, 7

СОТРУДНИЧЕСТВО И СОЛИДАРНОСТЬ

12-я встреча руководителей союзов писателей социалистических стран

С 19 по 22 февраля 1975 года в Гаване проходила очередная 12-я встреча руководителей союзов писателей социалистических стран. В ней приняли участие делегации:

Союза болгарских писателей — главный секретарь союза Слав Христо Караславов (руководитель делегации), секретарь союза Георги Струмицкий, главный секретарь Союза переводчиков Болгарии Нико Милово;

Союза венгерских писателей — заместитель генерального секретаря союза Габор Гаран (руководитель делегации), председатель иностранной комиссии союза Иван Фельдак, заместитель председателя иностранной комиссии союза Андрей Шинор;

Союза писателей ГДР — заместитель председателя союза Манс Вальтер Шульц (руководитель делегации), первый секретарь союза Герхард Хеннигер;

Союза писателей ДРВ — заместитель генерального секретаря союза То Хоай (руководитель делегации), секретарь управления союза Вун Хан;

Союза писателей и деятелей культуры (УДЕАК) — президент УДЕАК Николай Гильем (руководитель делегации), вице-президент УДЕАК Хосе Антонио Портуондо, член национального руководства УДЕАК Хуан Мариньяло, член национального руководства УДЕАК Алехо Карлентар, член исполкома и председатель секции литературы УДЕАК Анхель Аухиер, секретарь по международным связям исполкома УДЕАК Луис Суардас, член

исполкома и секретарь по вопросам публикации УДЕАК Ото Фернандес, заместитель председателя секции литературы УДЕАК Луис Марр, секретарь по международным связям секции литературы УДЕАК Элисео Диго, член исполкома секции литературы УДЕАК Адольфо Мартин Фунтес, член секции литературы УДЕАК Рауль Луис;

Союза монгольских писателей — секретарь правления союза, главный редактор «Улуг хожной урлаг» («Литературная газета») Сэнгийн Эрдэнэ;

Союза польских писателей — член президиума главного правления союза Витольд Завески (руководитель делегации), заместитель председателя иностранной комиссии союза Ромул Минькут;

Союза писателей СРР — генеральный секретарь союза Константин Кириц, член бюро СП СРР Рамис Минькут;

Союза писателей СССР — секретарь правления Союза писателей СССР, председатель правления СП РСФСР Сергей Михайлов (руководитель делегации), секретарь правления Союза писателей СССР, первый секретарь правления СП СССР Василий Ноздченко, ответственный секретарь иностранной комиссии СП СССР Валентин Коткин;

Чехословацкий комитет союзных писателей — председатель комитета, председатель Союза чешских писателей Ян Козак, член президиума Союза словаческих писателей Милош Флоран, председатель иностранной комиссии Союза словаческих писателей Владимир Жабий.

Двенадцатую встречу открыл крупнейший кубинский поэт, президент УДЕАК Николай Гильем.

В обсуждении первого вопроса повестки дня встречи «О деятельности союзов писателей за прошедший, 1974 год» приняли участие Луис Марр, Герхард Хеннигер, Слав Христо Караславов, Нико Милово, Ян Козак, Габор Гаран, Сэнгийн Эрдэнэ, Витольд Завески, Константин

Кириц, Сергей Михайлов, То Хоай.

В своих выступлениях ораторы говорили о том, что в борьбе за судьбы человечества немаловажную роль играет литература. Писатели социалистических стран четко осознали свою роль и место в этой борьбе.

Средствами художественной литературы они активно пропагандируют идеи мира, социализма и интернационализма.

Окончание на 8-й стр.

ПОЗЫВНЫЕ ВЕЛИКОГО ПОЧИНА

денеги в фонд пятилетки. В минувшем году на коммунистическом субботнике они заработали и передали государству около 13 тысяч рублей.

В нынешнем году писательский субботник озарен особым светом, наполнен значительным содержанием. Как известно, год назад мы заключили договор о творческом сотрудничестве с пятью чехословацкими предприятиями — заводами «Динамо», «Вторым часовым», электротехническим прибором, «Памяти революции» 1905 го-

да, комбинатом «Трехгорная мануфактура». 19 апреля сюда прибудут писательские бригады, чтобы вместе со своими друзьями-работниками трудиться на субботнике. Кстати, большая группа литераторов, создающих произведения об ударах пятилетки, имеет постоянный пропуск на завод, и когда недалеко в цехах проходят митинги, посвященные предстоящему коммунистическому субботнику, все они, писатели и рабочие, единодушно голосовали за то, чтобы ознаменовать

славную ленинскую дату ударным трудом.

Многообразны формы писательского участия в этом празднике — тут и выступления перед читателями по путевкам Бюро пропаганды художественной литературы, тут и перечисление в фонд пятилетки гонораров за газетно-журнальные публикации, тут и работа не только за станком, но и в редакциях заводских многотиражек и радиогостей, тут и создание оперативных статей и очерков о людях, отличившихся на субботнике...

А вечером, после трудового дня, в Центральном Доме литераторов имени А. А. Фадеева будет дан большой концерт, где перед рабочими выступят известные мастера литературы и искусства.

Владимир РАЗУМНЕВИЧ

ВЕЧЕРА

КНИГА-75

На днях в Дома союзов состоялся первый литературный вечер «Книга-75», организованный Всесоюзным добровольным обществом любителей книг.

Своеобразие сегодняшнего вечера в том, что а за-

ле собрались знатоки, ценители книг, — сказал председательствовавший на вечере Е. Осетров. — Это важно прежде всего потому, что мнение заинтересованного читателя в первую очередь должны знать и издатели, и писатели. Объединить, сроднить издателя, писателя и читателя — в этом заключается смысл работы нашего общества.

Свои стихи читали В. Бокор, М. Геттуев, Д. Ковалев, Д. Кузнецов, М. Лавров, С. Орлов, В. Сорокин, В. Туркин, О. Шестимский.

Заместитель главного редактора Политиздата Е. Лошкарев, главный редактор издательства «Художественная литература» А. Пузиков, главный редактор издательства «Молодая гвардия» В. Синельников, заместитель главного редактора Воениздата С. Воронцов рассказали о планах своих издательств, о книгах, посвященных героическому подвигу советского народа в Великой Отечественной войне.

Завершились Дни советской литературы, организованные Союзом писателей СССР, ВЦСПС, Ивановской областной писательской организацией, посвященные 70-летию первого в России Иваново-Вознесенского общегородского Совета рабочих депутатов и завершающему году девятилетия. В составе делегации, возглавляемой секретарем правления СП СССР А. Нешоковым, были И. Абалкин, М. Арашова, Озод Аминов, А. Абу-Ванар, А. Брагин, Л. Вригас, А. Бобров, В. Бочко, И. Волобуев, И. Евдокимов, Р. Зеленин, Мамад Исмаилов, П. Кобранов, В. Короткий, Д. Костюков, А. Лядов, А. Мочалов, Н. Паликин, П. Лавдинский, С. Полынарлов, Л. Решетников, И. Смирнов, В. Степанов, В. Устинов, Ю. Халлаев, Ю. Щелочков, Г. Чубач.

Здесь, в Иваново, нам часто приходилось слышать, что в ярком празднике многонациональной советской литературы сливаются в еди-

ном потоке прошлое и настоящее, труд и творчество.

Программе Дней была на редкость насыщенной — все 6 дней расписаны по часам.

Не встречая в областном комитете партийный секретарь обкома КПСС В. Г. Ключевский увлеченно рассказывал

писателям о тех огромных делах, которые совершат сегодня люди области, о новой плыве героев труда, рожденных буднями пятилетки, о давней глубокой любви ивановцев к литературе, о понимании ими высокой миссии писательского дела.

Ивановцы никогда не забывают, — отметил он, — что уже в первые годы Советской власти в нашем городе сложилась группа литераторов, которой интересовался В. И. Ленин. Известна его записка библиотекарю Кремля. В ней

Окончание на 3-й стр.

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ «ЛГ»

РАЗГОВОР О ПРОБЛЕМАХ ЛИТЕРАТУРНОГО МАСТЕРСТВА

К 150-летию РОМАНА А. С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»

стр. 6

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВОГО СОВЕТА СССР О награждении тов. Пименова В. Ф.

орденом Октябрьской Революции За заслуги в развитии советской литературы и в связи с семидесятилетием со дня рождения награждать ректора Литературного института имени А. М. Горького, критика Пименова Владимира Федоровича — орденом Октябрьской Революции.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. ПОДГОРНЫЙ, Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГОРБАТОВ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ, 24 февраля 1975 г.

С ПОЛИЧНЫМ!

РИМ, улица Лютеций, дом № 8

стр. 14

Сказочно-условной линией своего максимального значения, и следовательно истинная реальность — этой оценкой сопоставительно с крупнейшими категориями общественного бытия (совесть, человечность, бережное отношение к природе и т. д.) будет с течением времени выявляться все очевидней. О достоверности подобной социально-нравственной ориентации условного приема свидетельствует история нового искусства.

Повторю еще раз: условность — совершенно закономерный прием искусства социального реализма. Его употребление или неупотребление его зависит исключительно от творческого задания автора. Очевиднейшее из доказательств — последнее произведение безразмерно ушедшего от нас В. Шукшина «До третьих петухов. Сказка про Ивана дурнука, как он ходил зарать землю наоборудованной ушастой тележкой». М. 1987 г.

Читая эту, назвавшуюся бы, «сказку», можно бы, при желании, считать ее творческим маневром фантаста; но мы, однако, не можем не видеть совершенной естественности ее появления

КОГДА УСЛОВНОЕ ТЯ БЕЗУСЛОВНЫМ

ние шерстью жестокие души, на бездумных паразитирующих потребителях-маниях. Разумеется, подробный анализ «До третьих петухов» еще впереди. Пока подчеркну, что те дополнительные экспрессивные возможности, которые предоставляет принцип условности талантливому художнику, В. Шукшину использовал констатуя мастерски.

ИСКУССТВО социалистического реализма еще молодо, ему многие предстоит творчески переработать из великого классического наследия и многое открыть впервые.

Нет сомнений, что будущее принесет нам много радостных и неожиданных открытий, которые совершат художники в своем стремлении глубоко и ярко отобразить жизнь.

жизнью, с тонкими мохнатыми мохнами. Этот чудовищный парадокс позволил писателю с огромной гнетущей силой показать отчужден-

имеют подобный «прототипный» толчок. Да и не один! Множественный опыт невдуманного лепит литературный вымысел. Тикона ак-

для того, чтобы подкрепить свой запоздалый ответ витейской читательнице. Да, в самом деле, видимо, герои влияют на автора. Правда, не прямо, как при общении с реальными людьми, которые то радуют, то огорчают нас, требуя немедленной реакции. Скорее оно, родственное, через одинокое промывывание возможной судьбы героя в воображении — эталок «кино для себя», но с непритворными душевными трагизмом, с эмоциональной силой, как и при подлинном переживании. — Жалко больше, что — даже такая судьба персонажа, замыслив составлена из нескольких составляющих, то сопереживание соответственно умножается.

Герой влияет на автора эмоционально — это то бесспорно — как на свидетеля, соглаждая, участника его претерпев.

А перистивен? Я бы соглала, если б утверждала опровержимо, будто, созда-

[illegible]

Героические годы 1941—1945 — вся страна поднималась на священную битву с фашизмом. В ряды Советской Армии ушли поэты, уже успевшие встретиться со своими читателями, и те, у кого эта встреча была еще впереди.

Сегодня мы публикуем стихи поэтов, чье творчество оплело войну. Это Николай Грибачев, командовавший саперным батальоном, командир взвода танковых Сергий Орлов, заместитель командира роты по политчасти Максим Геттуев, гвардии радист Алексей Пысин, боец-саперник гвардейской панфиловской дивизии Сооронбай Джусуев, командир стрелковой роты Сырбай Мауленов, военный журналист Ашот Гарнакерьян.

Стихи, предлагаемые сегодня читателям, относятся к разному времени. Некоторые — из старых фронтовых блокнотов, другие написаны совсем недавно.

Николай ГРИБАЧЕВ

В ряду с живыми

В рассвете, что светился медью,
Днем и во мгле вечеровой
Равны мы были перед смертью
В чад, в аду передовой.

Она сама брала на выбор,
Последний выжимая стон.
Но тот, кто там из строя выбыл,
Нет, тот не умер — с нами он.

Он в памяти, он в жизни с нами
И в доле всех, как есть, награды,
И под торжественное знамя
Встает на праздничный парад.

И по незыблемому праву,
Навечно сопричислен к ней,
В ряду с живыми делит славу
И тех, бывших, и наших дней.

Смерть партизана

Вот и умер Тарас...
И стоит тишина над болотом,
только лес потемнел,
только свещет протяжно кулик.
Был он выпит мастак,
был он скор на любую работу,
золотой по хозяйству,
смекалистый, добрый старик.

1943 г.

Все шутил, что со смертью
поладил вином полюбовно,
что у сада и тына
с тех пор не проспится она,
что на гроб для него
по лесам не нарублены бревна,
что на саван сноха
не успела соткать полотна,

что и долю свою
он не всю получил от Госспирта,
что еще к молодым
он ревнует старуху свою...
Золотое зерно
светит солнце в зеленое сито,
и стоят партизаны
без шапок в суровом строю.

Что ж ты острю шутку
не кинешь нам, сказочник старый?

Что ж ты хитростям боя
не учишь вкрадывающих ребят?
Та, домашняя, смерть
не достала тебя, не достала,
чужеземную пулю
в бою получил, как солдат.

Не видал ты давно
ни родимого дома, ни тына,
пепел в поле кружится,
распалась большая семья,
над могилкой старухи
цветы осыпает рабина,
далеко на востоке воюют войну сыновья.

Сколько раз командира
просил он: — Пустите для погляда,
как воюют они,
как а колхозах хозяйствуют там,
я, ты знаешь, ловкач —
сквозь огонь проскочу, если надо.
я, пусти меня только,
что надо, войскам передам.

Да не выпало часа —
бои, переходы, разведки,
богомол или нищим
ходил от села он к селу.
Стариковская лира
висит у землянки на ветке,
суховатая палка,
холщовая сумка в углу.

Обрядившись, бывало,
прищурив глазом лучистым
да такое заглядит,
что гляди да берись за бока —
дескать, кончим войну —
и прямою дорогой в артисты,

Может, даже в театр
пригласят на спектакль старика.

Будут помнить Тараса
во всем Приднепровье ребята,
будут бабы на случай
беречь с молоком горлачи,
будет слава идти
по следам боевого отряда,
и винтовки стучать,
и гореть зшелоны в ночи.

Только он отпустил,
отходил по земле свои сроки.
Плечут женщины тихо,
и уходят пушки вдали,
и проносятся его
на руках между сосен высоких
в свежем золоте солнца
и теплом дыханье земли.

И последнюю песню
поют ему мирные птицы,
и кукушка считает
года не ему — сыновьям,
и последняя тучка
кладет ему тень на расщину,
чтобы теплой слезой
по родным пролиться краям.

Словно внуки, к нему
тянут нивы прохладные руки,
и калина над гробом
кадит зеленеющий дым...
Плачь, земля моя, плачь
над колхозником, лучшим в округе,
плачь, земля моя, плачь,
плачь, земля, над солдатом своим!

1943

Сергей ОРЛОВ

Из фронтового блокнота

Мир вспоминали в танке тесном,
И грусть нежданная пришла
О том, что легко, как песня,
Жизнь наша до войны была.

Так из глубин траншей небо
Солдатам кажется синим —
Похож на сказочную небыль
Клин серебристый журавлей.
Сентябрь. 1943

Спят солдаты крепким сном
Под тремя накатами,
Снится им знакомый дом,
В нем гремят ухащами.
Мать хлопочет над огнем,
Как всегда, торопится.
Кот мурлычет под столом,
Печка жарко топится.
Рыбачки сели в ряд
За столом без скатерти,
Мокроногие, согля,
Ждут еды от матери.
Вдруг за окнами скрипят —
Слышат, сани-розвальни,

Входит в дом родной солдат
С клубами морозными.
Сквозь огонь лихих годин
К ним прошел сквозь муки он,
Жив-здоров и невредим,
Валенками стучает...

Но гремит в полях война
Над тремя накатами,
Позабыта тишина
И во сне солдатами.
И, быть может, через час,
Так ли, по тревоге ли,
Прозвучит опять приказ
Выйти в путь-дорогу им.
И пойдут вперед они,
Тихие и строгие,
На ракетные огни
Все одной дорожкой,
Что через бесчестный бой
За село, высоту ли
Приведет солдат домой
Долго ли, коротко ли...
Декабрь. 1943

Мга

Где пройдет лишь одна пехота,
Утопая во мхах на бегу,
Танки мы везли по болоту
Сквозь пургу на станцию Мгу.
Рычаги натрудили плечи,
У механиков злость одна —
Встали мы перед Черной речкой,
Без воды она и без дна.
Через чертову Черную речку

Нет ни брода и ни моста,
Забросать и засыпать нечем,
Только мы не отступим так!
В жидкой грязи почти по пояс
Мы работали на ветру,
До бровей льдом и инеем кроясь,
И к рассвету, почти к утру,
Мы засыпали эту прорву...
И тяжелым был переход:
Истоплено звали моторы,
Танк, казалось, по торфу плывет.
И на берег ступивши чадный,
Мы не чувствовали уже,
Что курнуть и погреться надо,
Что одежда на нас, как жесть.
Занимали места без сигнала
Где-то близко в дымящих снегах,
Нас два года прождав, лежала
Пресловутою ставшая Мга.
Январь. 1944

В полях уже осыпались траншеи,
И стерлись танков тяжкие следы,
Воронки, бомб беспрестанно сияют,
Напоминали тихие пруды.
Земля сама свои врачует раны,
Трубит отбой тревоги журавли.
Война давно ушла в чужие страны,
И в городах уже огонь заглох.
Приходит вечер, зоревает дали,
Кузнечик в траве молодых звенит,
И до конца войны уже остались
Не месяцы, а, может, только дни...
Апрель. 1943

1943 г.

1943 г.

Максим ГЕТТУЕВ

В Тренитов-парке

Скорбит земля.
На камень красивый
Ложится тополиный лист.
Я здесь не созерцатель праздный
И не скачущий турист.
Уснули навсегда солдаты:
Кого-то, может быть, из них
Я звал по имени когда-то.
Встречал в походах боевых.
К востоку,
В сторону России,
Плывут гирлянды облачков.
Мерцают капли дождевые
На бронзе стынущих венков.
И вдоль кустов,
Еще зеленых,
Иду я,
В думы погружен,
И прокупают на пиллонах
Изображения знамен.
И, чист душой,
Лицом спокоен,
У памятного рубежа
Стоит все одолевший Воин,
Ребенка на руке держа.
Чтоб обрели мы мир и счастье

И не тужили ни о чем,
Паучью свастику на части
Он разрубил стальным мечом.
Его глаза светлы и строги,
Рука по-прежнему тверда.
Пока живу я,
Все дороги
Меня зовут, ведут сюда.
Спят вечным сном однополчане,
Свой путь окончившие тут.
Почетный караул
В молчанье
Деревья возле них несут.
И, плавно приспущив знамена,
С тех пор,
Как давний бой затих,
Земля
Коленапрочно
Стоит у изголовья их.

Моя безвестная сестра

Когда в пылавшем Заднепровье
Я умирал,
Сорвав бинты, —
Не хлебом, не водой,
А кровью
Со мною поделилась ты.
Я бредил в душевно медсанбате,
Стонал, метался и кричал.
Как белый призрак,
У кровати

Маячил кто-то по ночам.
И содрогалась твердь от гула
И грома
В смене тех ночей...
Я вышел —
Ты мне жизнь вернула,
И все узнал я от врачей.
Не довелось порой суровой
Нам свидеться на той войне.
От боя к бою шел я снова,
И кровь твоя текла во мне.
Но вот —
Пришел домой давно я,
А нет и не было ни дня,
Когда бы заново былое
Не растрожило меня.
Храню воспоминания свято,
Как астарь, в строю —
Служу стране,
И далеко мне до заката,
И кровь твоя течет во мне.
А ты —
В каких краях ты ныне?
Я верю, ты жива, жива.
Во льдах,
В горах,
В лесу,
В пустыне
Тебя найдет мой слух.
Какой ни шла бы тропинкой,
Услышь, откликнись,
Будь добра, —
Моя судьба,
Моя кровинка,
Моя безвестная сестра.

Перевел с балкарского Я. СЕРПИН

Алексей ПЫСИН

Снова видятся те рубежи —
Город рушится, в небо ночное
Все взмывает, взмывает стриж
Средь огня и фугасного воя.

Умирала земля на кострах,
И взлетал, на стрижей оседав,
Горький прах. И за стаям стала
Поднималась в горящих ночах.

В небесах, высоко-высоко,
Где не свистит ни бомбы, ни пули,
Птицы шли над грядой облаков,
Плывали, а казалось, уснули.

Сон им снится — простерлось крыло
На струе молчаливой, как вечность,
И куда-то несло их, несло —
От несчастий людских в бесконечность.

В дымке времени те рубежи,
Но, как прежде, в просторах над нами
Мчатся стаям безмолвной стриж —
О погибших бессонная память.

Последний снег и первый дождик
В обнимку шли по городку.

А я спешил к политруку.
А политрук — товарищ Довжик.

Сказали мне: — Поехал в Истру.
Так у него заведено.
Ведь он на пенсии давно.
Поехал в Истру. Стал туристом.
Туристом?

Мне так понятно,
Чем Истра другу дорога.
Там наша молодость в снега
Ушла, исчезла безвозвратно.
Там — перепаленное поле,
Дорога памяти. По ней
Шагал он с ротою своей.
О, поле боя,
поле боли...

Что нас влечет, однополчане,
К земле, в которой спят друзья?
Скорбь — утолить ее нельзя, —
Печали вечное звучанье.

А в той воронке вереск, вереск,
Дымится сны... Навечно знак
Во мне тех дней — святая верность
Сержантам — маршалам атак.

Перевел с белорусского В. ЗЫБКИН

1945 г.

1943 г.

Сооронбай ДЖУСУЕВ

Последний день войны

Весна сверкала зыбким изумрудом.
Березы с распутившейся листвою
Предвсхлищали золотое утро,
Но в день восьмого мая

Шли вражеские танки в истопуленый
И пушки не смолкали ни на миг,
Деревья белоствольные в паденье.
Как раненые, издавали крик.

И враг цеплялся, будто бы безумный.
За ветки, за разбитые стволы,
Но дрогнул он при первом нашем штурме,

И больше он не поднял головы.
Отсвечивали пламенем овраги,
И гарь сочилась в гулкой тишине.
Капитуляции седые флаги
Враг поднимал на ели и сосне.
И вся земля открылась перед взором.
И озеро, и лес, и ручеек.
И над опушкой затаялся хором
Летающий в небе птичий островок.
Мелодией подстегнутые этой,
Из-за укрытий поднимались бойцы,
И стало ясно, что пришел с победой
Поздравить их пернатые певцы.
И обнялись солдаты, но короткой
Была их радость. Около живых
Лежали те, кто никогда пилотки
Уже не сдвинет с мертвых глаз своих.

Всего лишь за секунду,
За полминуты до конца пути
То слово, что звучало им повсюду,
Не услышать им, не произнести:
«Победа!»

Не его ль четыре года
Они произносили каждый раз,
И вот лежат под синью небосвода,
Бессмертные в последний смертный час.
Над ними тишина а цвету весеннем,
Дорога рядом, что ведет домой,
Та, о которой каждый раз в сраженьях
Мечтал боец и юный, и седой.
И, кулаки бессильные сжимая,
Живые пред бессмертными встают.
Таким он был — тот день
Восьмого мая...
Девятого лишь прогремел салют.

Перевел с киргизского Г. КОРЯН

Сырбай МАУЛЕНОВ

Открытие мемориальной доски в Союзе писателей Казахстана

Как рано с орбиты
Сорвались вы.
Скинув во мгле!
Но вами открыты
От смерти
Цветы на земле.
Своими талыми
Вы путь закрывали огню,
Но сами пылали,
Корая в танках броню.
Вы — гордость народа.
Которой весь мир озерен
Победой! Свободой —
Над перечнем ваших имен.

Из битвы, из дали
Печальные вести пришли,
Гранитными стали
Вы, сверстники, братья мои!
Хоть горе безмерно,
Мы видим:
Во всех городах
Вы встали бессменно
В снегу и в весенних цветах.
Навеки вы с нами,
И в солнечном крае земли
Вас Родина славит,
Ровесники, братья мои!
И буквы живые
Нам высветили мрамор доски,
Как все боевое,
Бессмертные ваши стихи.

Окон

Я не боялся ветра сырого
И не страшился меня снега, —
Я против бури пошел без слова,
Чтобы достойно встретить врага.
Смерть мне грозила на узких тропях,
Множа рубцы на земной груди.
Сколько же дней я провел в окопах —
В луже по груди,
По лоту в грязи!..
Но покидал я окоп свой,
Словно

Снова прощался с домом родным:
Все, что солдату судьбой даровано,
Было на фронте связано с ним.
Он отводил от меня несчастье,
Он от ветров меня защищал!
Тесен и мал был окоп,
Но часто
Он для солдата весь мир вмещал.

Салют

Весь мир возликовал в победном глуме.
Салютом озарились вся страна!
Обняв цветы огня,
В холодном доме
В слезах стояла женщина одна.

К ней протянулась радуга живая,
Но женщина сдержаться не могла —
Как слезы, брызги света проливая,
В ответ ей тяжело вздохнула мгла:
В последний год войны вдовой осталась.
В последний год войны сражен свинцом
Ее любимый сын, —
Не унималась
Проклятая война перед концом!
Казалось, небо подняло, рыдая,
Милыоны павших...
В высверках огней
В око глядела женщина седая.
Как будто сын махал цветами ей.
Перевел с казахского О. ДИПТРИНОВ

1943 г.

1941 г.

Ашот ГАРНАКЕРЬЯН

Клятва

В сорок первом году в Керчи.
Где прожорот метал лучи,
Нагоняя фашистских асов,
Я у наших зениток клялся:
Если все же свершится чудо,
Если выйду живым отсюда,
Буду жить на таком накале,
Чтобы руки не остывали,
Чтобы сердце, как в пекле боя
Не искало нигде покоя.
В громе, в лагзе идущих танков
У обугленных полустанков
Я поклялся на вдовьем плаче,
Если выживу — жить иначе.
Жить, гореть, себя не жалея,
Чтобы людям жилось светлее.
Время лечит и слезы сушит,
И боюсь я клятву нарушить.
Где-то вдруг отступить на шаг,
Сделать что-то плохо, не так,
Как хотелось бы, как обязан, —
Я ведь клятвой солдатской связан:
И за мной как солдатской связ:
Тот, кто был молодым убит.
Хоть могилы молчат, молчат,
Я твой вечный должник, солдат

Аджимушкай

Даже когда тебе радостно — помни
Аджимушкайские каменоломни,
Чтобы на миг померещились лица
Тех, что в слепых катакомбах таились,
Рыли колодцы, от жажды сгорая,
В душных потемках Аджимушкай.
И, покидая подземные щели,
Ночью стреляли по вражеской цели.
Там, где потемки глядят на нас слепо,
Я поведу под землей тебя к склепам,
К братским могилам, подземным кладбищам,
Где документы штабные мы ищем
Тех, что в бою ради Родины милой
Выбрали смерть... Здесь повсюду могины.
Молод ли, стар ты годами, но помни
Аджимушкайские каменоломни...
Крым... Не Байдарские воспомни ворота,
Не синеву на просторах огромных —
Аджимушкайские каменоломни!
Если согнутся от тяжести плечи,
Думай о выдержке сверхчеловечьей
Тех, что стояли здесь, страх отвергая.
Крепостью мужества Аджимушкай.
Даже когда тебе радостно — помни
Аджимушкайские каменоломни!

КОЛОНИ
ТВ

[illegible]

национ, пластовые и другие
истерях советского изобра-
тельного искусства. Три-
дцать рассказов — тридцать
разных художников,

[illegible]

случай. Поэдорамыжники
фигуры. Поэдорамыжники
женщины. Поэдорамыжники
шину. Кто угнал — извест-
но. Прозвонье вора в мили-
цию. Его биографию
склонности изучили. Имею
портрет позитателя. Но во-
эти данные, конечно, не даю-
т никакой возможности его и-
ловить. А потому милиция
продолжает большую изобре-
тательность. В результате
деревню, такую, совершен-
но однокую старушку, эт
во-первых. Отправляют ее
не ют, в Сочи, это во-вто-
рых. Берут хорошемушку
воллеву и смелую девушку
деятельства, это в-третьих. За-

ме изображена с большим сочувствием. Женщины в поле лица трудятся на колотых полях, а мужчины — бездельничают. Кроме того, мужчины вызывают из страны новехшую сельскохозяйственную технику, которая могла бы облегчить женский труд. Наконец, мужчины пьянствуют всю дорогу, а утром, с похмелья, друмят, причем один из них, усачик, называет Таран, а с ним виденный уже раз величественным феодалом. И вокруг золотой дворец, и в это дворец лично для него полуподобные жирные. Но тут же и колхозная техника.

когда свет зажегся, зрители в зале, представьте себе, оказались миловаты. Ушли. Опасно, что у них чувств юмора все же слабо развито. Меня, например, чувств юмора почти нет. Я человек веселый. И поэтому не старюсь понять, как именно способом меня развлекают. Актеры, спрашиваю: «Мешают, конечно, зрители. Каждый морочит своим личным талантом куда-нибудь встать и нарушить общее впечатление. Но только режиссеру им воля не дана».

И вовсе я не знаю, так ли бывает. Это у меня, так

[illegible]

прошлого. В театре должны были запоянать пространство сцены, требовались крупный отчетливая линия. Ограничение пространства издарило, но не теряя в то же время, не теряя в то же время поэтичности, не суровая обобщения.

Фильм? Нет, конечно, поскольку сохранена та же идея, но тем не менее

цели» тоже нет, ибо искусство — материальное, а не идеальное средство. И поэтому, — это можно считать законным выводом, — режиссер, работая режиссером на тему театра, спектакля, Студия же была создана для того, чтобы, если бы в каком-либо театре не было постановки, можно было бы посмотреть на спектакль, сценарий, режиссерские и актерские изображения, личное это было бы воплощение творческой мысли.

Телевидение уже не называло свою художественную самостоятельность, оно берет материал из жизни в сложном взаимодействии с истинной театром. А телевидение — это не все, всего прелесть, позволяющая ответственности: очень личностно, — переносит на экран спектакль, на экранное сплит-экранное видение отходит к про-

«ГЕННАЯ ИНЖЕНЕРИЯ» — ЖИЗНЬ ИЗ ПРОБИРКИ?

ПОПЫТКИ
БЕЛОГИЧЕСКИХ
ОПАСНОСТЕЙ...

Последние достижения в
технике изоляции и воссоздания
фрагментов ДНК позво-
ляют в настоящее время со-
здавать биологически актив-
ные рекомбинанты этой моле-
кулы вне организма.

Некоторые ученые предпо-
лагают использовать эту тех-
нику для получения биологиче-
ских молекул из ДНК ви-
русного, животного и бacte-
риального происхождения. Хо-
тя подобные эксперименты,
очевидно, будут способство-
вать решению важных теоре-
тических и практических
проблем биологии, они могут
привести также и созданию
новых типов инфекционных
ДНК, биологические свойства
которых нельзя полностью
предсказать.

Есть серьезные основания
считать, что некоторые из
этих рекомбинантных моле-
кул ДНК могут быть биологи-
чески опасными. Потенциаль-
ная опасность этих экспери-
ментов состоит в том, что в
них для получения различных
типов рекомбинантных моле-
кул ДНК используются бакте-
риальный плазмидный вектор
и штаммы, обычно находя-
щиеся в кишечнике человека,
способные обмениваться генети-
ческой информацией с дру-
гими видами бактерий, кото-
рые могут вызвать заболевания
у человека. В частности, по-
лучившиеся рекомбинанты мо-
гут обладать способностью
получать широкое распростра-
нение среди животных, расте-
ний, бактерий и людей, при-
чем последствия этого не
предсказуемы.

Этот вопрос был поднят
учеными, делегатами научной
конференции по мутационным
процессам в 1973 году. Они
отметили, что в последние
годы в США, Японии, Англии
и других странах появились
рекомбинантные молекулы
ДНК, созданные в лабораториях
и в природе. Эти молекулы
могут обладать способностью
получать широкое распростра-
нение среди животных, расте-
ний, бактерий и людей, при-
чем последствия этого не
предсказуемы.

Первое и наиболее важ-
ное. До тех пор пока потен-
циальная опасность таких ре-
комбинантных ДНК не будет
изучена более тщательно, не
появятся ли новые штаммы
бактерий, способные к широкому
распространению, и не будут
ли они опасными для челове-
ка? Эти вопросы должны
быть решены в первую очередь
в лабораторных условиях, а
затем в природе.

Теперь, когда появились
новые автономно воспроизводи-
мые бактериальные плаз-
миды (то есть молекулы ДНК,
способные к самостоятельному
репликации), возникла проблема
их распространения. Эти моле-
кулы могут легко распростра-
ниться в популяции бактерий,
находящихся в кишечнике че-
ловека, животных и других ви-
дов. В настоящее время эти
плазмиды используются для
исследования механизмов
распространения и передачи
генетической информации.

Второе. Предполагается
использовать для соединения
фрагментов ДНК животных с
ДНК бактериальных плазмид
методом, который должен
быть тщательно изучен, чтобы
не было опасности, что моле-
кулы ДНК, имеющие много
общего с ДНК опухолевых вирусов,
могут вызвать развитие ра-
ковых заболеваний.

Предлагая эти рекоменда-
ции, мы отдаем себе отчет в
том, что:

1) наше беспокойство вы-
звано потенциальной, но не
очевидной опасностью, так
как экспериментальные дан-
ные, подтверждающие опас-
ность рекомбинантных моле-
кул ДНК, мало;

2) строгое соблюдение этих
рекомендаций повлечет за со-
бой отсрочку или даже отказ
от экспериментов, предва-
ряющих научную ценность.
Вопре тому, мы считаем, что
многие теоретические и прак-
тические трудности связаны
с оценкой опасности для че-
ловека рекомбинантных моле-
кул ДНК. Но тем не менее
требуется по поводу возможных
серьезных последствий необ-
думанного отношения к та-
ким исследованиям побужде-
ние нас призвать всех ученых,
работающих в этой области,
присоединиться к нам и со-
гласиться не проводить экс-
перименты типов 1 и 2 до
тех пор, пока не увенчаются
успехом усилия, предприни-
маемые для оценки их воз-
можной опасности, и не бу-
дут получены ответы на не-
решенные вопросы.

Из письма американских
ученых
Журнал «Сайенс» (США)

Бурное развитие науки последних десятилетий
буквально на глазах преобразует жизнь челове-
ка, расширяет перед ним неслыханные возможности.
Удивительные достижения совре-
менной научной мысли связаны, например, с про-
грессом молекулярной биологии, ее нового на-
правления, само название которого звучит фанта-
стично — «генная инженерия». Биологи XX века
учатся корректировать генетические структуры,
стремясь избавить человека от наследственных
заболеваний, мечтая путем «хирургического» вме-
шательства в тонкие механизмы живой клетки со-
здавать высокопродуктивные породы скота, сель-
скохозяйственные культуры, полезные микроорганиз-
мы...

Известно, однако, что любые, даже самые выда-
ющиеся, самые ценные достижения ученых мож-
но использовать не только на благо человека, но
и во зло ему. В мире существуют силы, которые
любое научное открытие готовы поставить на
службу своим антигуманным, человеконенавист-
ным целям. И «генная инженерия» в этом
смысле не исключение.

Но, помимо преднамеренного использования
достижений «генной инженерии» во вред челове-
ку, в генетических опытах возможны, так сказать,
«несчастные случаи», порожденные беспечностью
наших экспериментаторов. Высказываются предпо-
ложения, что результатом этого может стать по-
явление новых форм вредных микроорганиз-
мов, борющихся с ними будет чрезвычайно
сложно. Особое беспокойство вызывает экспери-
менты по созданию бактерий, устойчивых к анти-
биотикам, или таких микроорганизмов, которые
способствовали бы бурному размножению онко-
генных (то есть порождающих злокачественные
опухоли) вирусов. Такие микроорганизмы, создан-
ные для лабораторных целей, могут выйти из-под
контроля исследователей, покинуть стены лабо-
ратории.

Все это, естественно, вызывает озабоченность
у тех ученых, кто создает свою ответственность за
будущее человечества. Специалисты обращают
внимание на то, что за последнее время были

созданы новые смер-
тоносные оружие?..

— Вы оставляете за рамками
обсуждения вопрос о случай-
ном, непреднамеренном со-
здании биологически опас-
ных микроорганизмов. Но ведь в пись-
ме американских ученых
обсуждается в первую оче-
редь именно эта опасность...

— Действительно, опас-
ность, что в лаборатории
созданы патогенные микро-
организмы, которые в даль-
нейшем выйдут за ее пре-
делы, вполне реальна. Но
более того, в известной ме-
ре такая опасность даже пред-
определена методикой ра-
боты некоторых западных
микробиологов. Уже тот
факт, что в качестве моде-
ли гибридного микроорга-
низма — этой «химии», как
ее называют, один из
авторов письма, С. Коэн,
используется плазмиды, от
которой зависит устойчи-

вость бактерий к антиби-
отикам, вызывает к величай-
шей осторожности. Все мы
знаем, как трудно справ-
иться с теми вирусами,
например, гриппа, которые
«приспособились» к приме-
нению наших лекарственных
препаратов. Возникает
вопрос: не поможет ли че-
ловеку болезнетворный ви-
рус бороться против изоб-
реетенных им же самим
лекарств?

Второй методологический
особенность этих экспери-
ментов в процессе их про-
изводства манипуляции с
очень «близкими» нам ми-
кроорганизмами, нашим по-
стоянным, повсюду присут-
ствующим — кишечной па-
лочкой. Это понятие со-
вершенно бесспорно, что
генетически она лучше
всего изучена, ее даже на-
зывают «бактериальной
дрозофилой». Но разноре-
шетность она довольно быстро,
воспринимаясь ее про-
тивом, оказывается в ки-
шечнике человека. Не про-
сто, теперь представьте,
что в процессе экспери-
мента в кишечную палочку
«встроены» какие-то гены,
об индивидуальных свой-
ствах которых мы ничего
не знаем. Вполне может
оказаться, что бактерия
после этого из безобидной
превратится в болезнетвор-
ную. Эта болезнетворность
будет «тиржирована» в
миллионах экземпляров. Не
обладая этой иммунитетом
против этих вредных мик-
робов, человек, даже на-
ходясь в лаборатории, не
распознавая их, сред-
ствами борьбы с ними, че-
ловек окажется в поло-
жении своего среднего ко-
лодыря, обремененного
опаснейшей холерой или
чумой...

— Так, значит, американ-
ские ученые правы, когда
призывают объявить морато-
рий на эти эксперименты?

— Существует различ-
ные способы выразить свой
протест против тех или
иных исследований. Мож-
но, например, просто само-
устранившись от работы. Не-

сколько лет назад, когда
еще только был выделен
один из типов кишечной
палочки, американский уче-
ный Джеймс Шепард, имя
которого стояло первым в
списке авторов этого науч-
ного сообщения, заявил,
что уходит из генетики, так
как не уверен, что достиже-
ние его науки не обернется
против человечества. Вели-
кие ли были практические
последствия этого шага?
Разве с уходом Шепарда
прекратились эксперимен-
ты, исходившие из опасе-
ния, что бактерии, со-
бравшиеся на свой X съезд
в Мехико в 1970 году,
единственно примут Ор-
ганизацию Объединенных
Наций и запрещению это-
го оружия. И уже в мар-
те следующего года соци-
алистические страны внесли
на рассмотрение Комитета
ООН по разоружению про-
ект Конвенции о запреще-

нии разработки, произво-
дства и накопления запасов
бактериологического (био-
логического) и токсического
оружия и об их уничтоже-
нии. Конвенция, которая
была разработана на осно-
ве упомянутого проекта, была
открыта для подписания в
апреле 1972 года и была
сразу же подписана нашей
страной. А на днях, 11 фе-
враля, она была ратифици-
рована Президиумом Вер-
ховного Совета СССР и тем
самым стала законом, не-
исключительный для испол-
нения. Конвенция, — как
сказал Председатель Прези-
диума Верховного Совета
СССР Н. В. Подгорный, —
навсегда исключает из жи-
зни человечества опасность
целый класс оружия мас-
сового уничтожения...

Конечно, сегодняшние ра-
боты генетиков, пока еще
не дают оснований ставить
вопрос именно на то, как он
бы поставлен в отношении
бактериологического ору-
жия, не дают оснований го-
ворить о каком-то новом
«генном» оружии. Однако,
кто знает, не придется ли
через какое-то время че-
ловечеству столкнуться с не-
мощью, бороться за его за-
щиту...

Вопрос об ответствен-
ности ученых перед обществом
перед человечеством, одна
из актуальнейших проблем
современного мира. Согласен
ли я с тем, что для ученых,
занимаясь прикладными ис-
следованиями, эта проблема
стоит особенно остро?

— Да. Если представи-
тель чистой науки порою
может сказать, что его не
интересуют последствия вы-
полняемой работы, то та-
кую позицию можно если не
принять, то понять, так как
многие результаты фунда-
ментальных наук бывают
зачастую весьма далеки от
практических приложений
сегодняшнего дня. Иначе
обстоит дело с учеными,
работающими в прикладных
областях. Как только они за-
даются над прикладными
науками, задачами челове-
чества, то прежде всего дол-

жен решить для самого се-
бя: согласен ли я с целями
организации, которая фи-
нансирует мою работу,
одобряю ли я задачи, кото-
рые она ставит передо
мной? Так что ученые-при-
кладники прежде всего дол-
жны задуматься над мо-
ральностью своей ра-
боты. Он должен выбрать
между нравственностью и
бездарностью, между
всей сложностью выбора в
реальной жизни, где мало
что складывается в рамки
строго оцененных против-
положностей — «честного
и «бесового», «доброго» и
«злого». Ученые, как гово-
рил Ф. Ницше-Юнг, «не
должны быть сообщниками
тех, кому несовершенное
социальное устройство дает
возможность использовать
результаты научных работ
в эгоистических и злонаме-
ренных целях».

Сейчас справедливо пи-
шут, что наука и техника в
условиях капиталистическо-
го мира стали «двумя
силами», вырвавшимися
из-под контроля человека.
И многие же социаль-
но обусловленные применения
всех наук от гуманиз-
ма. Все это так. Но хо-
телось бы отметить и другое
обстоятельство. Сам тип со-
временного западного обще-
ства зачастую формирует
такие черты нравственного
облика ученого, что дано
нам от природы не да-
ет возможность не под-
даваться на соблазны
эгоизма. Многие же социаль-
но обусловленные применения
всех наук от гуманиз-
ма. Все это так. Но хо-
телось бы отметить и другое
обстоятельство. Сам тип со-
временного западного обще-
ства зачастую формирует
такие черты нравственного
облика ученого, что дано
нам от природы не да-
ет возможность не под-
даваться на соблазны
эгоизма. Многие же социаль-
но обусловленные применения
всех наук от гуманиз-
ма. Все это так. Но хо-
телось бы отметить и другое
обстоятельство. Сам тип со-
временного западного обще-
ства зачастую формирует
такие черты нравственного
облика ученого, что дано
нам от природы не да-
ет возможность не под-
даваться на соблазны
эгоизма. Многие же социаль-
но обусловленные применения
всех наук от гуманиз-
ма. Все это так. Но хо-
телось бы отметить и другое
обстоятельство. Сам тип со-
временного западного обще-
ства зачастую формирует
такие черты нравственного
облика ученого, что дано
нам от природы не да-
ет возможность не под-
даваться на соблазны
эгоизма. Многие же социаль-
но обусловленные применения
всех наук от гуманиз-
ма. Все это так. Но хо-
телось бы отметить и другое
обстоятельство. Сам тип со-
временного западного обще-
ства зачастую формирует
такие черты нравственного
облика ученого, что дано
нам от природы не да-
ет возможность не под-
даваться на соблазны
эгоизма. Многие же социаль-
но обусловленные применения
всех наук от гуманиз-
ма. Все это так. Но хо-
телось бы отметить и другое
обстоятельство. Сам тип со-
временного западного обще-
ства зачастую формирует
такие черты нравственного
облика ученого, что дано
нам от природы не да-
ет возможность не под-
даваться на соблазны
эгоизма. Многие же социаль-
но обусловленные применения
всех наук от гуманиз-
ма. Все это так. Но хо-
телось бы отметить и другое
обстоятельство. Сам тип со-
временного западного обще-
ства зачастую формирует
такие черты нравственного
облика ученого, что дано
нам от природы не да-
ет возможность не под-
даваться на соблазны
эгоизма. Многие же социаль-
но обусловленные применения
всех наук от гуманиз-
ма. Все это так. Но хо-
телось бы отметить и другое
обстоятельство. Сам тип со-
временного западного обще-
ства зачастую формирует
такие черты нравственного
облика ученого, что дано
нам от природы не да-
ет возможность не под-
даваться на соблазны
эгоизма. Многие же социаль-
но обусловленные применения
всех наук от гуманиз-
ма. Все это так. Но хо-
телось бы отметить и другое
обстоятельство. Сам тип со-
временного западного обще-
ства зачастую формирует
такие черты нравственного
облика ученого, что дано
нам от природы не да-
ет возможность не под-
даваться на соблазны
эгоизма. Многие же социаль-
но обусловленные применения
всех наук от гуманиз-
ма. Все это так. Но хо-
телось бы отметить и другое
обстоятельство. Сам тип со-
временного западного обще-
ства зачастую формирует
такие черты нравственного
облика ученого, что дано
нам от природы не да-
ет возможность не под-
даваться на соблазны
эгоизма. Многие же социаль-
но обусловленные применения
всех наук от гуманиз-
ма. Все это так. Но хо-
телось бы отметить и другое
обстоятельство. Сам тип со-
временного западного обще-
ства зачастую формирует
такие черты нравственного
облика ученого, что дано
нам от природы не да-
ет возможность не под-
даваться на соблазны
эгоизма. Многие же социаль-
но обусловленные применения
всех наук от гуманиз-
ма. Все это так. Но хо-
телось бы отметить и другое
обстоятельство. Сам тип со-
временного западного обще-
ства зачастую формирует
такие черты нравственного
облика ученого, что дано
нам от природы не да-
ет возможность не под-
даваться на соблазны
эгоизма. Многие же социаль-
но обусловленные применения
всех наук от гуманиз-
ма. Все это так. Но хо-
телось бы отметить и другое
обстоятельство. Сам тип со-
временного западного обще-
ства зачастую формирует
такие черты нравственного
облика ученого, что дано
нам от природы не да-
ет возможность не под-
даваться на соблазны
эгоизма. Многие же социаль-
но обусловленные применения
всех наук от гуманиз-
ма. Все это так. Но хо-
телось бы отметить и другое
обстоятельство. Сам тип со-
временного западного обще-
ства зачастую формирует
такие черты нравственного
облика ученого, что дано
нам от природы не да-
ет возможность не под-
даваться на соблазны
эгоизма. Многие же социаль-
но обусловленные применения
всех наук от гуманиз-
ма. Все это так. Но хо-
телось бы отметить и другое
обстоятельство. Сам тип со-
временного западного обще-
ства зачастую формирует
такие черты нравственного
облика ученого, что дано
нам от природы не да-
ет возможность не под-
даваться на соблазны
эгоизма. Многие же социаль-
но обусловленные применения
всех наук от гуманиз-
ма. Все это так. Но хо-
телось бы отметить и другое
обстоятельство. Сам тип со-
временного западного обще-
ства зачастую формирует
такие черты нравственного
облика ученого, что дано
нам от природы не да-
ет возможность не под-
даваться на соблазны
эгоизма. Многие же социаль-
но обусловленные применения
всех наук от гуманиз-
ма. Все это так. Но хо-
телось бы отметить и другое
обстоятельство. Сам тип со-
временного западного обще-
ства зачастую формирует
такие черты нравственного
облика ученого, что дано
нам от природы не да-
ет возможность не под-
даваться на соблазны
эгоизма. Многие же социаль-
но обусловленные применения
всех наук от гуманиз-
ма. Все это так. Но хо-
телось бы отметить и другое
обстоятельство. Сам тип со-
временного западного обще-
ства зачастую формирует
такие черты нравственного
облика ученого, что дано
нам от природы не да-
ет возможность не под-
даваться на соблазны
эгоизма. Многие же социаль-
но обусловленные применения
всех наук от гуманиз-
ма. Все это так. Но хо-
телось бы отметить и другое
обстоятельство. Сам тип со-
временного западного обще-
ства зачастую формирует
такие черты нравственного
облика ученого, что дано
нам от природы не да-
ет возможность не под-
даваться на соблазны
эгоизма. Многие же социаль-
но обусловленные применения
всех наук от гуманиз-
ма. Все это так. Но хо-
телось бы отметить и другое
обстоятельство. Сам тип со-
временного западного обще-
ства зачастую формирует
такие черты нравственного
облика ученого, что дано
нам от природы не да-
ет возможность не под-
даваться на соблазны
эгоизма. Многие же социаль-
но обусловленные применения
всех наук от гуманиз-
ма. Все это так. Но хо-
телось бы отметить и другое
обстоятельство. Сам тип со-
временного западного обще-
ства зачастую формирует
такие черты нравственного
облика ученого, что дано
нам от природы не да-
ет возможность не под-
даваться на соблазны
эгоизма. Многие же социаль-
но обусловленные применения
всех наук от гуманиз-
ма. Все это так. Но хо-
телось бы отметить и другое
обстоятельство. Сам тип со-
временного западного обще-
ства зачастую формирует
такие черты нравственного
облика ученого, что дано
нам от природы не да-
ет возможность не под-
даваться на соблазны
эгоизма. Многие же социаль-
но обусловленные применения
всех наук от гуманиз-
ма. Все это так. Но хо-
телось бы отметить и другое
обстоятельство. Сам тип со-
временного западного обще-
ства зачастую формирует
такие черты нравственного
облика ученого, что дано
нам от природы не да-
ет возможность не под-
даваться на соблазны
эгоизма. Многие же социаль-
но обусловленные применения
всех наук от гуманиз-
ма. Все это так. Но хо-
телось бы отметить и другое
обстоятельство. Сам тип со-
временного западного обще-
ства зачастую формирует
такие черты нравственного
облика ученого, что дано
нам от природы не да-
ет возможность не под-
даваться на соблазны
эгоизма. Многие же социаль-
но обусловленные применения
всех наук от гуманиз-
ма. Все это так. Но хо-
телось бы отметить и другое
обстоятельство. Сам тип со-
временного западного обще-
ства зачастую формирует
такие черты нравственного
облика ученого, что дано
нам от природы не да-
ет возможность не под-
даваться на соблазны
эгоизма. Многие же социаль-
но обусловленные применения
всех наук от гуманиз-
ма. Все это так. Но хо-
телось бы отметить и другое
обстоятельство. Сам тип со-
временного западного обще-
ства зачастую формирует
такие черты нравственного
облика ученого, что дано
нам от природы не да-
ет возможность не под-
даваться на соблазны
эгоизма. Многие же социаль-
но обусловленные применения
всех наук от гуманиз-
ма. Все это так. Но хо-
телось бы отметить и другое
обстоятельство. Сам тип со-
временного западного обще-
ства зачастую формирует
такие черты нравственного
облика ученого, что дано
нам от природы не да-
ет возможность не под-
даваться на соблазны
эгоизма. Многие же социаль-
но обусловленные применения
всех наук от гуманиз-
ма. Все это так. Но хо-
телось бы отметить и другое
обстоятельство. Сам тип со-
временного западного обще-
ства зачастую формирует
такие черты нравственного
облика ученого, что дано
нам от природы не да-
ет возможность не под-
даваться на соблазны
эгоизма. Многие же социаль-
но обусловленные применения
всех наук от гуманиз-
ма. Все это так. Но хо-
телось бы отметить и другое
обстоятельство. Сам тип со-
временного западного обще-
ства зачастую формирует
такие черты нравственного
облика ученого, что дано
нам от природы не да-
ет возможность не под-
даваться на соблазны
эгоизма. Многие же социаль-
но обусловленные применения
всех наук от гуманиз-
ма. Все это так. Но хо-
телось бы отметить и другое
обстоятельство. Сам тип со-
временного западного обще-
ства зачастую формирует
такие черты нравственного
облика ученого, что дано
нам от природы не да-
ет возможность не под-
даваться на соблазны
эгоизма. Многие же социаль-
но обусловленные применения
всех наук от гуманиз-
ма. Все это так. Но хо-
телось бы отметить и другое
обстоятельство. Сам тип со-
временного западного обще-
ства зачастую формирует
такие черты нравственного
облика ученого, что дано
нам от природы не да-
ет возможность не под-
даваться на соблазны
эгоизма. Многие же социаль-
но обусловленные применения
всех наук от гуманиз-
ма. Все это так. Но хо-
телось бы отметить и другое
обстоятельство. Сам тип со-
временного западного обще-
ства зачастую формирует
такие черты нравственного
облика ученого, что дано
нам от природы не да-
ет возможность не под-
даваться на соблазны
эгоизма. Многие же социаль-
но обусловленные применения
всех наук от гуманиз-
ма. Все это так. Но хо-
телось бы отметить и другое
обстоятельство. Сам тип со-
временного западного обще-
ства зачастую формирует
такие черты нравственного
облика ученого, что дано
нам от природы не да-
ет возможность не под-
даваться на соблазны
эгоизма. Многие же социаль-
но обусловленные применения
всех наук от гуманиз-
ма. Все это так. Но хо-
телось бы отметить и другое
обстоятельство. Сам тип со-
временного западного обще-
ства зачастую формирует
такие черты нравственного
облика ученого, что дано
нам от природы не да-
ет возможность не под-
даваться на соблазны
эгоизма. Многие же социаль-
но обусловленные применения
всех наук от гуманиз-
ма. Все это так. Но хо-
телось бы отметить и другое
обстоятельство. Сам тип со-
временного западного обще-
ства зачастую формирует
такие черты нравственного
облика ученого, что дано
нам от природы не да-
ет возможность не под-
даваться на соблазны
эгоизма. Многие же социаль-
но обусловленные применения
всех наук от гуманиз-
ма. Все это так. Но хо-
телось бы отметить и другое
обстоятельство. Сам тип со-
временного западного обще-
ства зачастую формирует
такие черты нравственного
облика ученого, что дано
нам от природы не да-
ет возможность не под-
даваться на соблазны
эгоизма. Многие же социаль-
но обусловленные применения
всех наук от гуманиз-
ма. Все это так. Но хо-
телось бы отметить и другое
обстоятельство. Сам тип со-
временного западного обще-
ства зачастую формирует
такие черты нравственного
облика ученого, что дано
нам от природы не да-
ет возможность не под-
даваться на соблазны
эгоизма. Многие же социаль-
но обусловленные применения
всех наук от гуманиз-
ма. Все это так. Но хо-
телось бы отметить и другое
обстоятельство. Сам тип со-
временного западного обще-
ства зачастую формирует
такие черты нравственного
облика ученого, что дано
нам от природы не да-
ет возможность не под-
даваться на соблазны
эгоизма. Многие же социаль-
но обусловленные применения
всех наук от гуманиз-
ма. Все это так. Но хо-
телось бы отметить и другое
обстоятельство. Сам тип со-
временного западного обще-
ства зачастую формирует
такие черты нравственного
облика ученого, что дано
нам от природы не да-
ет возможность не под-
даваться на соблазны
эгоизма. Многие же социаль-
но обусловленные применения
всех наук от гуманиз-
ма. Все это так. Но хо-
телось бы отметить и другое
обстоятельство. Сам тип со-
временного западного обще-
ства зачастую формирует
такие черты нравственного
облика ученого, что дано
нам от природы не да-
ет возможность не под-
даваться на соблазны
эгоизма. Многие же социаль-
но обусловленные применения
всех наук от гуманиз-
ма. Все это так. Но хо-
телось бы отметить и другое
обстоятельство. Сам тип со-
временного западного обще-
ства зачастую формирует
такие черты нравственного
облика ученого, что дано
нам от природы не да-
ет возможность не под-
даваться на соблазны
эгоизма. Многие же социаль-
но обусловленные применения
всех наук от гуманиз-
ма. Все это так. Но хо-
телось бы отметить и другое
обстоятельство. Сам тип со-
временного западного обще-
ства зачастую формирует
такие черты нравственного
облика ученого, что дано
нам от природы не да-
ет возможность не под-
даваться на соблазны
эгоизма. Многие же социаль-
но обусловленные применения
всех наук от гуманиз-
ма. Все это так. Но хо-
телось бы отметить и другое
обстоятельство. Сам тип со-
временного западного обще-
ства зачастую формирует
такие черты нравственного
облика ученого, что дано
нам от природы не да-
ет возможность не под-
даваться на соблазны
эгоизма. Многие же социаль-
но обусловленные применения
всех наук от гуманиз-
ма. Все это так. Но хо-
телось бы отметить и другое
обстоятельство. Сам тип со-
временного западного обще-
ства зачастую формирует
такие черты нравственного
облика ученого, что дано
нам от природы не да-
ет возможность не под-
даваться на соблазны
эгоизма. Многие же социаль-
но обусловленные применения
всех наук от гуманиз-
ма. Все это так. Но хо-
телось бы отметить и другое
обстоятельство. Сам тип со-
временного западного обще-
ства зачастую формирует
такие черты нравственного
облика ученого, что дано
нам от природы не да-
ет возможность не под-
даваться на соблазны
эгоизма. Многие же социаль-
но обусловленные применения
всех наук от гуманиз-
ма. Все это так. Но хо-
телось бы отметить и другое
обстоятельство. Сам тип со-
временного западного обще-
ства зачастую формирует
такие черты нравственного
облика ученого, что дано
нам от природы не да-
ет возможность не под-
даваться на соблазны
эгоизма. Многие же социаль-
но обусловленные применения
всех наук от гуманиз-
ма. Все это так. Но хо-
телось бы отметить и другое
обстоятельство. Сам тип со-
временного западного обще-
ства зачастую формирует
такие черты нравственного
облика ученого, что дано
нам от природы не да-
ет возможность не под-
даваться на соблазны
эгоизма. Многие же социаль-
но обусловленные применения
всех наук от гуманиз-
ма. Все это так. Но хо-
телось бы отметить и другое
обстоятельство. Сам тип со-
временного западного обще-
ства зачастую формирует
такие черты нравственного
облика ученого, что дано
нам от природы не да-
ет возможность не под-
даваться на соблазны
эгоизма. Многие же социаль-
но обусловленные применения
всех наук от гуманиз-
ма. Все это так. Но хо-
телось бы отметить и другое
обстоятельство. Сам тип со-
временного западного обще-
ства зачастую формирует
такие черты нравственного
облика ученого, что дано
нам от природы не да-
ет возможность не под-
даваться на соблазны
эгоизма. Многие же социаль-
но обусловленные применения
всех наук от гуманиз-
ма. Все это так. Но хо-
телось бы отметить и другое
обстоятельство. Сам тип со-
временного западного обще-
ства зачастую формирует
такие черты нравственного
облика ученого, что дано
нам от природы не да-
ет возможность не под-
даваться на соблазны
эгоизма. Многие же социаль-
но обусловленные применения
всех наук от гуманиз-
ма. Все это так. Но хо-
телось бы отметить и другое
обстоятельство. Сам тип со-
временного западного обще-
ства зачастую формирует
такие черты нравственного
облика ученого, что дано
нам от природы не да-
ет возможность не под-
даваться на соблазны
эгоизма. Многие же социаль-
но обусловленные применения
всех наук от гуманиз-
ма. Все это так. Но хо-
телось бы отметить и другое
обстоятельство. Сам тип со-
временного западного обще-
ства зачастую формирует
такие черты нравственного
облика ученого, что дано
нам от природы не да-
ет возможность не под-
даваться на соблазны
эгоизма. Многие же социаль-
но обусловленные применения
всех наук от гуманиз-
ма. Все это так. Но хо-
телось бы отметить и другое
обстоятельство. Сам тип со-
временного западного обще-
ства зачастую формирует
такие черты нравственного
облика ученого, что дано
нам от природы не да-
ет возможность не под-
даваться на соблазны
эгоизма. Многие же социаль-
но обусловленные применения
всех наук от гуманиз-
ма. Все это так. Но хо-
телось бы отметить и другое
обстоятельство. Сам тип со-
временного западного обще-
ства зачастую формирует
такие черты нравственного
облика ученого, что дано
нам от природы не да-
ет возможность не под-
даваться на соблазны
эгоизма. Многие же социаль-
но обусловленные применения
всех наук от гуманиз-
ма. Все это так. Но хо-
телось бы отметить и другое
обстоятельство. Сам тип со-
временного западного обще-
ства зачастую формирует
такие черты нравственного
облика ученого, что дано
нам от природы не да-
ет возможность не под-
даваться на соблазны
эгоизма. Многие же социаль-
но обусловленные применения
всех наук от гуманиз-
ма. Все это так. Но хо-
телось бы отметить и другое
обстоятельство. Сам тип со-
временного западного обще-
ства зачастую формирует
такие черты нравственного
облика ученого, что дано
нам от природы не да-
ет возможность не под-
даваться на соблазны
эгоизма. Многие же социаль-
но обусловленные применения
всех наук от гуманиз-
ма. Все это так. Но хо-
телось бы отметить и другое
обстоятельство. Сам тип со-
временного западного обще-
ства зачастую формирует
такие черты нравственного
облика ученого, что дано
нам от природы не да-
ет возможность не под-
даваться на соблазны
эгоизма. Многие же социаль-
но обусловленные применения
всех наук от гуманиз-
ма. Все это так. Но хо-
телось бы отметить и другое
обстоятельство. Сам тип со-
временного западного обще-
ства зачастую формирует
такие черты нравственного
облика ученого, что дано
нам от природы не да-
ет возможность не под-
даваться на соблазны
эгоизма. Многие же социаль-
но обусловленные применения
всех наук от гуманиз-
ма. Все это так. Но хо-
телось бы отметить и другое
обстоятельство. Сам тип со-
временного западного обще-
ства зачастую формирует
такие черты нравственного
облика ученого, что дано
нам от природы не да-
ет возможность не под-
даваться на соблазны
эгоизма. Многие же социаль-
но обусловленные применения
вс

ИРОНИЧЕСКАЯ
ПРОЗАТАЙНА
ЗАНЕВОЛЕННОЙ
ПРУЖИНЫ

А. ХОМЯКОВ

КАК-ТО мы с Петром Ивановичем П., доцентом нашей кафедры, возвращались из командировки и от нас было много незатейливой беседы по нашей кафедральной жизни-бытию. По дороге проглядывало солнце, подмосковный лес дышал на наш пригородный автобус молодое и смело.

— А знаете, коллега, — вдруг с некоторым оживлением обратился ко мне Петр Иванович, — я еще ни разу в своей практике не встречал студента, который бы, что называется, до дня расказа мне, скажем, на зачете или на экзамене о заневоленной пружине. Представьте себе, не встречал. Почему именно заневоленная пружина — не знаю, во всяком случае была со мной такая история, если хотите, рассказу. А история была такая. Сам я впервые услышал о такой пружине еще много лет назад, когда, будучи дневным аспирантом нашей кафедры, принимал экзамены, по какому предмету, уже не помню, но было дело. Мой научный руководитель, известный зам-профессор Т., помню, сказал мне, напутствуя на этот первый мой экзамен: «Не дрейфь, мил человек, они, то есть студенты, сами тебе все расскажут, а ты только осянкой держи, спуску им не давай — вот и вся твоя задача».

Да-с! Сел я за стол на кафедре, рядом сел для экза-

менуемого студента, и думаю: «Вызову-на я самого слабого из прогнанных его вопроса по всему материалу, чтобы он мне все рассказал, — и порядок». Два зятца, понимаете, получаются: и рассказывает он мне все, и сразу нагоню на остальных (пытаюсь, мол, лекцию провезать и т. п., как это ведь у нас). Так и получилось. Попался мне (смотро по зачетке) вроде бы крепкий мужичок. Ну, я и начал — и это мне рассказывал, и то, и то, и карусель, и другое, да по несколько раз одно и то же. Сначала терминологический убой, потом принцип действия и классификация, ну, а потом уж и все тонкости дошли. И с такой подоготовкой я и продолжил прием экзамена. Все шло хорошо и приятно, тем более что знания мои росли от студента к студенту. Но случилось замечание — именно с этими заневоленными пружинами. Подсказывает ко мне очередной студент, задвигая шкаф с пудовыми руками, и нежным голоском читает формулировку вопроса в билете: «Заневоленные пружины, область применения, механическая картина технологии изготовления».

А я же не проходил... А в лекциях, оказывается, есть. Как я не спросил об этом своего студента-учителя! А парень-шкаф спит и глазами в пол, то в угол. Ну, думаю, не объяснит он мне здесь, рядом сел для экза-

мена, на помощь, говорит, и усиливается чуть ли не рядом экзамен принимай. А что говорить, что спрашивать! Да-с, задавай. Делаю сильный шаг — беру такти-аут. Говорю, посидите, мол, приятель (студенту), мне позвонить пора (профессору), и вышел. Что делать, кого спросить? К студентам идти неудобно и к нашему брату-преподавателю тоже. Субординация! Я — в лабораторию, к механикам.

— Михаил Михайлович, — спрашиваю одного из них, — слышал что о заневоленной пружине?

— Встречалось.

— Ну, что она такое?

— Да обыкновенная. Поджата она, понимаете, технологически, понимаете, пластически, понимаете, в масле держит шесть часов.

— А потом?

— А потом выпускают, по-настоящему.

— А почему в масле, Михаил Михайлович? Скорее! Экзамен у меня.

— Садитесь, что ли?

— Нет, принимайте.

— Магиче ей в нем, понял?

— В чем магиче?

— В масле ей магиче...

Я вернулся к экзамену. Парень-шкаф все спал и все глазами в пол, то в угол.

— Ну, — думаю, — сейчас я тебя произведу!

— Ну-с, — спрашиваю, — что представляешь собой заневоленную пружину?

— Обыкновенная, — отвечает, — поджата она, гм, технологически, гм, пластически, в масле держит шесть часов.

— Правильно, — обрадовался я, — а зачем, — спрашиваю, — в масле?

— Магиче ей в нем, гм.

— В чем магиче?

— В масле ей магиче...

— Молодец! — воскликнул я еще раз. — Правильно, магиче.

— Поставил я Шкафу пять баллов, нет четыре (на всякий случай) и отпустил. Опустил я студента, а сам думаю: «Что это за ответ — магиче ей в масле? Тут же одним глазом вижу — профессор насупился и, как я понял, не доволен мной, моими то есть вопросами, а может, и ходом всего экзамена. Нет, думаю, так не пойдет, надо бы студента-шкафа спросить поглубже, но уже поздно...»

Через одного, не помню, через двух студентов опять тот же вопрос. На сей раз — девушка. Да-с! Делаю с ней маневр.

— Что у вас, — спрашиваю, — заневоленная пружина?

— Хорошо, Ну-с, представьте, — важненько так ей говорю, — что я о заневоленных пружинах ничего не знаю. А вы?

— Да, это, конечно, — подождала я, — заневоленную пружину они не знают, а возьмите устройство манометра, трубка, как его... Бурдава. Ведь тоже никто не знает, ну, если спросите.

— Это что? — спрашивает режиссер.

— Яничин, — твердо отвечает режиссер.

— Но в сценарии ясно написано: «На столе аппетитно шипела яничин с колбасой»!

— Без колбасы тоже сойдет! — говорит актер.

— Ну что ж! — вздыхает режиссер. — Тогда начеки! Актеры дружно набрасываются на яничину без колбасы.

— Стоп!.. Валя, — обращается режиссер к актрисе, — ты еще абсолютно неорганизована! Вот смотри! — Он подсаживается к столу и начиняет образцово работать челюстями.

Оператор, глотая слюны, отворачивается от стола.

— Товарищи! — кричит он вдруг. — Не толчите траву в кадры! Это же сад, а не ин-подорож! И! Уверенно окунулся в бассейн.

Синька может! — спрашивает режиссер, поздравляя.

— Пока нет: Андрюша еще спит, — информирует ассистент.

— А когда он проснется?

— Может, через минуту, а может, через два часа.

— Через два часа солнце будет на то, — говорит оператор в пространство.

— Хороший Паша режиссер! — черничает режиссер.

Яничин!

Режиссер приносит очередную капелитно шипевшую яничину.

— Только учтите, — бормочет он, — у меня здесь не пичекает.

Режиссер бегом, но в этот момент раздается громкий рев: проснулся Андрюша. Включаются прожекторы. За стол усиливается годовалого карапуза. По команде «Начеки!» актеры наперебой потягивают его яничину. Малыш с удовольствием ест.

— Прекрасно! — восклицает режиссер. — Приготовились к съемке!

Синька не может, — объявляет оператор. — Все гривы выпотели.

— А где дерн! — взвизгивает режиссер.

— Дерн завал, — отвечает художник.

— Леда! — с отраще-

нах ничего не знаю. А вы? Вы мне, пожалуйста, объясните, что такое заневоленная пружина, как она изготавливается, где она применяется, и так далее. Договорились!

И она мне сформировалась баском запала:

— Обыкновенная она, знаете ли, поджата, знаете ли, технологически, знаете ли, пластически, знаете ли, в масле держит шесть часов.

— И стоп!

— Нет, — думаю, — теперь меня на этом не оставят.

— Почему, — спрашиваю, — в масле?

— Магиче ей, знаете ли.

— В чем магиче?

— В масле ей, знаете ли, магиче.

Отпустил я ее с миром.

Наш автобус тем временем проехал кольцевую дорогу и подвезжал к метро.

— Да-с, — продолжал Петр Иванович, — а потом уж сколько лет принимаю экзамены и зачеты, так никто и не объяснил мне, что называется, до дня, что такое заневоленная пружина. Не знает студент, черт побери, а ведь мы из большой свет выйдим.

— Да, это, конечно, — подождал я, — заневоленную пружину они не знают, а возьмите устройство манометра, трубка, как его... Бурдава. Ведь тоже никто не знает, ну, если спросите.

— Это что? — спрашивает режиссер.

— Яничин, — твердо отвечает режиссер.

— Но в сценарии ясно написано: «На столе аппетитно шипела яничин с колбасой»!

— Без колбасы тоже сойдет! — говорит актер.

— Ну что ж! — вздыхает режиссер. — Тогда начеки! Актеры дружно набрасываются на яничину без колбасы.

— Стоп!.. Валя, — обращается режиссер к актрисе, — ты еще абсолютно неорганизована! Вот смотри! — Он подсаживается к столу и начиняет образцово работать челюстями.

Оператор, глотая слюны, отворачивается от стола.

— Товарищи! — кричит он вдруг. — Не толчите траву в кадры! Это же сад, а не ин-подорож! И! Уверенно окунулся в бассейн.

Синька может! — спрашивает режиссер, поздравляя.

— Пока нет: Андрюша еще спит, — информирует ассистент.

— А когда он проснется?

— Может, через минуту, а может, через два часа.

— Через два часа солнце будет на то, — говорит оператор в пространство.

— Хороший Паша режиссер! — черничает режиссер.

Яничин!

Режиссер приносит очередную капелитно шипевшую яничину.

— Только учтите, — бормочет он, — у меня здесь не пичекает.

Режиссер бегом, но в этот момент раздается громкий рев: проснулся Андрюша. Включаются прожекторы. За стол усиливается годовалого карапуза. По команде «Начеки!» актеры наперебой потягивают его яничину. Малыш с удовольствием ест.

— Прекрасно! — восклицает режиссер. — Приготовились к съемке!

Синька не может, — объявляет оператор. — Все гривы выпотели.

— А где дерн! — взвизгивает режиссер.

— Дерн завал, — отвечает художник.

— Леда! — с отраще-

САЛАТ
«ОЛИВЬЕ»К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ
КИНЕМАТОГРАФА

Сначала было просто. Некие братья Люмьер однажды изобрели и построили кинематограф. Для опробования они вывели его в сад и направили объектив на затененный домиком. Домиком в саду сидел мальчик, а в кинематографе — плескались волны. Так появились первые кинематографические фильмы.

— Где яничин! — раздается на сценочной площадке громкий вопрос режиссера. — Где яничин!

Через полчаса режиссер ставит на стол потрескавшуюся яничину маслом скоростной яничин.

— Это что? — спрашивает режиссер.

— Яничин, — твердо отвечает режиссер.

— Но в сценарии ясно написано: «На столе аппетитно шипела яничин с колбасой»!

— Без колбасы тоже сойдет! — говорит актер.

— Ну что ж! — вздыхает режиссер. — Тогда начеки! Актеры дружно набрасываются на яничину без колбасы.

— Стоп!.. Валя, — обращается режиссер к актрисе, — ты еще абсолютно неорганизована! Вот смотри! — Он подсаживается к столу и начиняет образцово работать челюстями.

Оператор, глотая слюны, отворачивается от стола.

— Товарищи! — кричит он вдруг. — Не толчите траву в кадры! Это же сад, а не ин-подорож! И! Уверенно окунулся в бассейн.

Синька может! — спрашивает режиссер, поздравляя.

— Пока нет: Андрюша еще спит, — информирует ассистент.

— А когда он проснется?

— Может, через минуту, а может, через два часа.

— Через два часа солнце будет на то, — говорит оператор в пространство.

— Хороший Паша режиссер! — черничает режиссер.

Яничин!

Режиссер приносит очередную капелитно шипевшую яничину.

— Только учтите, — бормочет он, — у меня здесь не пичекает.

Режиссер бегом, но в этот момент раздается громкий рев: проснулся Андрюша. Включаются прожекторы. За стол усиливается годовалого карапуза. По команде «Начеки!» актеры наперебой потягивают его яничину. Малыш с удовольствием ест.

— Прекрасно! — восклицает режиссер. — Приготовились к съемке!

Синька не может, — объявляет оператор. — Все гривы выпотели.

— А где дерн! — взвизгивает режиссер.

— Дерн завал, — отвечает художник.

— Леда! — с отраще-

Вечерняя ПРОЗА

Сначала было просто. Некие братья Люмьер однажды изобрели и построили кинематограф. Для опробования они вывели его в сад и направили объектив на затененный домиком. Домиком в саду сидел мальчик, а в кинематографе — плескались волны. Так появились первые кинематографические фильмы.

— Где яничин! — раздается на сценочной площадке громкий вопрос режиссера. — Где яничин!

Через полчаса режиссер ставит на стол потрескавшуюся яничину маслом скоростной яничин.

— Это что? — спрашивает режиссер.

— Яничин, — твердо отвечает режиссер.

— Но в сценарии ясно написано: «На столе аппетитно шипела яничин с колбасой»!

— Без колбасы тоже сойдет! — говорит актер.

— Ну что ж! — вздыхает режиссер. — Тогда начеки! Актеры дружно набрасываются на яничину без колбасы.

— Стоп!.. Валя, — обращается режиссер к актрисе, — ты еще абсолютно неорганизована! Вот смотри! — Он подсаживается к столу и начиняет образцово работать челюстями.

Оператор, глотая слюны, отворачивается от стола.

— Товарищи! — кричит он вдруг. — Не толчите траву в кадры! Это же сад, а не ин-подорож! И! Уверенно окунулся в бассейн.

Синька может! — спрашивает режиссер, поздравляя.

— Пока нет: Андрюша еще спит, — информирует ассистент.

— А когда он проснется?

— Может, через минуту, а может, через два часа.

— Через два часа солнце будет на то, — говорит оператор в пространство.

— Хороший Паша режиссер! — черничает режиссер.

Яничин!

Режиссер приносит очередную капелитно шипевшую яничину.

— Только учтите, — бормочет он, — у меня здесь не пичекает.

Режиссер бегом, но в этот момент раздается громкий рев: проснулся Андрюша. Включаются прожекторы. За стол усиливается годовалого карапуза. По команде «Начеки!» актеры наперебой потягивают его яничину. Малыш с удовольствием ест.

— Прекрасно! — восклицает режиссер. — Приготовились к съемке!

Синька не может, — объявляет оператор. — Все гривы выпотели.

— А где дерн! — взвизгивает режиссер.

— Дерн завал, — отвечает художник.

— Леда! — с отраще-

И. ЛЮБИМ

Стихи о любви

...Ищу в мужчине
товарища...
ищу в мужчине
соратника...

Ты, создавший с меня
самый шур, —
за всемою —
нога придет?
Моя единственная
жизнь?

И снова в сердце
тоска по тебе,
и вновь вопрос извечный:
— Согрей меня шур,
с меня,

товарищ,
что ж не приходишь
за восьмой!

Ужель ко мне ты,
соратник,
ужель не пошел,
дорогой, —
мне будет очень
неприятно,
коль ты согреешь
с другом.

Семь шур —
ты помнишь
день вчерашний —
наша тебе,
смысла прозе:
обед,
печенье,
стакан,
глазки,
уборка,
дети
и любовь.

Я на ревну, не ревну,
не синозоду до чужих.
Вернись,
и в отдалеку:
в напущен тебе стили!

Хроника «Клуба ДС»

С ШУТКОЙ
НАПЕРЕВЕС

В связи с приближающимся тридцатилетием Победы в Центральной Доме литераторов состоялось заседание, посвященное юбилею сатиры — бывшей Фронтовой. Было очень приятно отметить юбилей, что даже во время войны люди все же находили время шутить. Писатель Владимир Поляков (Юмичевский фронт) так прямо и сказал: «На фронте смеялись, потому что было тяжело, чем на тылах. Смех — это оружие сатиры и юмора». С этим согласился И. Лепин (Второй Восточный фронт). На вечера танца выступили А. Кинель (Партия Восточный фронт), А. Лепин (Восточный фронт), С. Сергеев (Восточный фронт), Илья Франк (Первый Украинский фронт).

ОБЪЯВЛЕНИЯ
«КЛУБА ДС»

ДО 8 МАРТА!

По просьбе болгарских друзей администрация «Клуба ДС» объявляет о международном выставочном конкурсе юмористических работ. Тема выставки — «Юмор и сатира». Приемные работы принимаются до 8 марта. Адрес: Москва, ул. Давыдовская, 10. Конкурс проводится в рамках программы «Юмор и сатира».

ОБЪЯВЛЕНИЕ

ОБЪЯВЛЕНИЕ

ОБЪЯВЛЕНИЕ

ОБЪЯВЛЕНИЕ

ОБЪЯВЛЕНИЕ

ОБЪЯВЛЕНИЕ

ОБЪЯВЛЕНИЕ

ОБЪЯВЛЕНИЕ

ОБЪЯВЛЕНИЕ

ОБЪЯВЛЕНИЕ

ОБЪЯВЛЕНИЕ

ОБЪЯВЛЕНИЕ

ОБЪЯВЛЕНИЕ

ОБЪЯВЛЕНИЕ

ОБЪЯВЛЕНИЕ

ОБЪЯВЛЕНИЕ

ОБЪЯВЛЕНИЕ

ОБЪЯВЛЕНИЕ

ЧУДАКИ

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ВЫПУСК

ИНТЕЛЛИГЕНТЫ «КЛУБА ДС»

В. ПЕСТЯКОВ

ПЕРЕГОВОРЫ «КЛУБА ДС»

ФРАЗЫ

Преферанс

У НАС, программистов, преферанс — основной вид отдыха.

Однако, к сожалению, как только об этом узнало, рассидело нас в разные комнаты с коммуналками коллективом, никакого смысла контакта в смысле преферанса.

С тех пор встречается мы только в машинном зале, у пульта ЭВМ, да и то лишь по двое, когда один приходит, чтобы другого сменить.

Но человек — он ведь существо разумное, венец творения, царь природы. Славя Шатин это на своем примере доказал.

Пришлось позавчера на машину, а Славка сразу: — Садись, старик, пробную расписку.

— Ты что, перетрудились? — спрашиваю. — Вдвоем, что ли?

— Втроем.

— А где третий?

— Вот он.

И на машину показывает.

— Молодец! Как это тебя охватило такая гениальная идея!

— Очень просто: узнал, что у соседей в вычислительном центре машина в шахматы играет, и думаю: а наша разве хуже? Месичинко сидит, алгоритм разработал, программу написал, отладил, объектный модуль получил.

— Ты, Славка, гений! Да-вадь.

— Очень просто: узнал, что у соседей в вычислительном центре машина в шахматы играет, и думаю: а наша разве хуже? Месичинко сидит, алгоритм разработал, программу написал, отладил, объектный модуль получил.

— Ты, Славка, гений! Да-вадь.